

Йенсу
Моему мужу, моему другу,
моему спутнику
777

◆ 1 ◆

— *Хватит диктовать мне*, что делать, а что не делать! Ты, похоже, вообще забыла, с кем разговариваешь!

Последнее, что я вижу, перед тем как мама захлопывает дверь перед моим носом, — это ее мечущие искры глаза. На секунду грохот эхом прокатывается по всему дому, из-за чего разом затихают звуки в остальных трех комнатах на втором этаже. В первый момент я поднимаю руку, чтобы снова к ней постучаться, но в итоге разочарованно выдыхаю.

Ах, мам. Не может же действительно и дальше так продолжаться.

Со вздохом отворачиваюсь от двери в мамину комнату, чтобы спуститься на кухню, где горы невымытой посуды. Надо выгрузить все из посудомоечной машины и загрузить ее заново. Покупки, которые я принес-

ла сегодня после обеда, по большей части так и лежат нераспакованными в пакетах, а четыре стола, стоящих перед длинным окном в столовой, необходимо подготовить к завтраку на следующее утро. Не говоря уже о том, что нужно срочно помыть лестницу. Это я решаю по пути вниз. Займусь ей, когда буду мыть полы на кухне и в прихожей. Потом. Где-нибудь часов в десять, например. Сейчас без четверти шесть, и прежде всего я должна позвонить в прачечную и поинтересоваться, где застряли чистые простыни, которые мне обещали вернуть еще вчера. Я целый день собиралась это сделать, но постоянно что-нибудь отвлекало. Чертова стирка — единственное, что выполняют другие люди, и либо скоро я опять начну стирать сама, либо Чарли научится присылать белье ровно в оговоренный срок.

При мысли о безостановочно работающей посудомоечной машине во мне загорается отчаянная надежда, что Чарли все-таки образумится. Две девушки-француженки, которые идут по тропе Керри-Уэй и остановились у меня на четыре дня, завтра отправляются дальше. В субботу надо перестелить постели и в двух других комнатах, а у меня остался только один комплект белья — и тот, гарантирую, заберет себе мама. Ей, в отличие от постояльцев, никто не запретит сходить в кладовку возле кухни и взять его оттуда самостоятельно.

Уставившись на посудомоечную машину, массирую лоб. Что я планировала делать дальше? Выгрузить из нее посуду?

И когда уже открываю рот, меня осеняет: нет, блин, я хотела позвонить Чарли! Прежде чем после шести он включит автоответчик.

Десять минут спустя Чарли заверяет, что первым делом завтра рано утром придет ко мне своего сына Эйдана. И сотню раз извиняется за то, что его рассеянный отпрыск снова про меня забыл. Ничего удивительного, видимо, все извилины в мозге Эйдана заняты разработкой планов, как бы заговорить с Шивон, что происходит всякий раз, когда он бродит между стеллажей у нее в магазине. От самой Шивон знаю, что парень, по ее мнению, очень даже ничего, и завязыванию знакомства существенно мешает лишь то, что он не может из себя выдавить ни слова.

Часть стаканов из посудомоечной машины отношу сразу в столовую, чтобы расставить на столах. И раз уж я тут, задергиваю шторы и на скорую руку провожу перекинутым через плечо полотенцем по широкому подоконнику, оставляя себе мысленную пометку, что стоящие на нем растения нужно немедленно полить.

Весь этот список дел, которые должны быть выполнены, прежде чем я наконец-то смогу рухнуть на кровать у себя в мансарде, очень кстати отвлекает меня от спора с матерью.

Сейчас она ненавидит свою комнату.

Окно выходит не в сад, а на улицу, матрас чересчур мягкий для ее спины. О толстый коврик, который изначально лежал на деревянном полу перед кроватью, она постоянно спотыкалась, поэтому пару дней назад я все-таки его оттуда убрала. Но теперь пол кажется ей слишком холодным, и она требует ковер, похожий на тот, к которому привыкла в своей старой спальне. Я пообещала достать ей такой же, просто руки еще не дошли. Однако никаких иллюзий по этому поводу я не питаю: даже новый коврик не примирит маму с тем, что она снова здесь, в Каслданнсе. То, что мы со старшей сестрой Сюзанной сломали стену в ее бывшей комнате и переделали ту в просторную ванную, и то, что сейчас все уже не как прежде, лишь усложняет ситуацию.

Похоже, с тех пор как несколько недель назад мама ни с того ни с сего приехала обратно в «Морские ветры», ее единственной задачей стало доводить меня до безумия.

После того как отец ее бросил — после того как он нас бросил, — мама решила, что хватит с нее и этой гостиницы, и Каслданнса. Сюзанна и ее парень Каллан пустили родительницу к себе, и поначалу она планировала никогда не возвращаться. И, наверное, не вернулась бы, если бы недавно Каллан буквально не выставил ее за дверь. И теперь я осознаю, почему у меня

никогда не получалось тепло относиться к парню сестры, да и поведение Сюзанны в этом вопросе мне не до конца понятно.

— Айрин! — раздается сверху громкий мамин голос.

Боже ты мой! Ну что ей на этот раз-то понадобилось? Я только начала запихивать в посудомойку грязные тарелки. И почему, ради всего святого, ей обязательно нужно орать на весь дом? Раздраженная, снова ставлю горшочек, который держала в руках, на столешницу.

— Айрин!

— Да иду, блин. — Перепрыгиваю через ступеньку, чтобы предотвратить третий окрик, и распахиваю дверь в ее комнату. — Что такое?

— Можешь, пожалуйста, налить в кувшин воды?

Она уже улеглась в постель, натянув одеяло почти до подбородка, хотя еще нет и семи.

— Знаешь, ты и сама могла бы это сделать, — произношу я так мягко, как только способна. — Ванная прямо напротив.

— Я что, слишком много прошу — наполнить кувшин? О малейшем одолжении мне нужно умолять? Тебе же прекрасно известно, как мне тяжело подниматься с этих мягких матрасов, но хорошо, если у тебя есть дела поважнее... — Резким движением руки она откидывает одеяло в сторону, медленно садится и на-

чинает вставать с кровати. Это не выглядит сколько-нибудь трудным, но озвучивать подобную мысль я не рискую.

— Ладно, забудь. — Хватаю кувшин, стоящий вместе со стаканом на тумбочке. Мама бы продолжила причитать, пока не налила бы в него воды в ванной и не вернулась обратно в свою комнату, причем ей было бы совершенно не важно, что это услышат гости за тремя другими дверьми, выходящими в коридор. — Только, прошу тебя, не ори на весь дом, когда тебе что-нибудь надо. Если тебе так сложно встать, просто позвони мне.

— Я должна тебе звонить, хотя ты на кухне внизу?

— Либо так, либо спускайся сама.

— Я не буду звонить в своем собственном доме своей собственной дочери только из-за того, что хочу пить!

Она все еще сидит на краю кровати, ступни в толстых шерстяных носках касаются пола, и мне видно бледную кожу ее ног под ночной рубашкой.

— Послушай, — максимально сдержанно объясняю я, — ты плохо себя чувствуешь, я знаю, но у всего есть предел. У тебя три варианта: или подходи ко мне, или звони, или же подожди, пока я загляну, и тогда скажешь, что тебе нужно. — С кувшином в руке иду к двери. — А на самом деле у тебя целых четыре вари-

анта, так как время от времени, думаю, ты способна кое-что делать сама.

В ванной я открываю воду и не сразу подставляю кувшин, чтобы она оказалась по-настоящему холодной и у мамы не появился новый повод для жалоб. Господи, моей матери еще нет и шестидесяти, а она ведет себя то как прикованная к постели старушка, то как капризный маленький ребенок. Я ее люблю, правда люблю и понимаю, что она обижена и расстроена, но, черт побери, зачем все время срываться на мне? Без понятия, на сколько меня хватит, поэтому ситуация должна измениться. Должна! Вот только как?

Когда появляюсь в комнате, мама уже снова накрылась одеялом и даже не смотрит на меня, пока я ставлю на тумбочку кувшин.

И только в тот момент, как я практически дохожу до двери, мне в спину звучит ее голос:

— Можешь, пожалуйста, еще налить мне стакан воды?

Стиснув зубы, вновь пересекаю комнату и выполняю просьбу.

— Спокойной ночи, — говорю, прежде чем повернуться и уйти. Мама не отвечает, но ничего другого я и не ожидаю. Раскинувшись на кровати, она просто пялится в потолок. Для меня загадка, как ей удастся засыпать в комнате, залитой дневным светом. А может, она этого и не делает. Вероятно, просто ле-

жит, не двигаясь, несколько часов подряд и размышляет о том, как поступила с ней Сюзанна. До сих пор и дня не прошло, чтобы она как минимум один раз не упомянула, как разочарована в моей сестре. К несчастью, мама и постояльцам об этом рассказывает, когда случайно встречается с ними в коридоре. Собственная дочь выставила ее за дверь! Можете себе представить? Что вы на это скажете?

Вчера миссис Бреннан с мужем едва ли не на цыпочках крались к ведущей на первый этаж лестнице. Я как раз выходила из ванной, где раскладывала свежие полотенца, и миссис Бреннан даже вздрогнула, а потом смущенно улыбнулась. А сегодня за завтраком она положила руку мне на плечо и сказала, что восхищается тем, как трогательно я забочусь о матери.

Трогательно.

В действительности наши с мамой отношения далеки от трогательных. Она вместе с папой десятки лет управляла «Морскими ветрами» и точно знает, что подобным поведением пугает гостей, вот только ее это, кажется, абсолютно не волнует. Если бы я не замечала, что она часто плачет, вряд ли удержалась бы от того, чтобы высказать ей все открытым текстом. Однако стоит мне увидеть, как мама старается придать лицу невозмутимое выражение, хотя на щеках еще остаются следы слез, самой хочется разреветься.

На кухне я заканчиваю загружать посудомоечную машину и тут же ее запускаю. Затем мою полы и лестницу на второй этаж, застилаю скатертями столы на завтра, поливаю цветы, перепроверяю электронную почту и подготавливаю счет для двух француженок.

Когда дела сделаны, на часах почти десять вечера, а по ощущениям — за полночь. Раньше я никогда к этому времени так не выматывалась, но непрерывные дискуссии с родительницей меня добивают. Устало поднимаюсь в свою комнату под самой крышей. Сразу после приезда я предложила маме поселиться в ней. Там тихо и в ее распоряжении оказалась бы личная ванная, однако она с возмущением отказалась. По ее словам, узкая лестница на чердак опасна для жизни. А я воздержалась от комментария, что она вполне в состоянии быстро пробежать вниз по ступеням, если речь идет о том, чтобы велеть перепуганному клиенту тише закрывать входную дверь.

Перед зеркалом в ванной завязываю на затылке свои вьющиеся кудри. Мамины волосы раньше были такими же рыжими, давно, когда она еще умела улыбаться и хорошим настроением заражать даже самых угрюмых постояльцев. Теперь ее шевелюра постепенно седеет, с каждым днем будто бы все больше подстраиваясь под душевное состояние.

Сначала отец, а потом еще и Сюзанна.